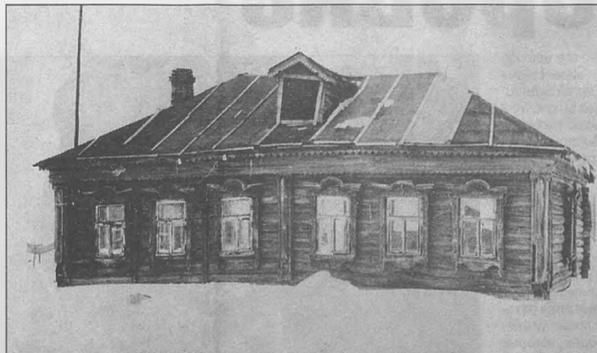

Венедикт Васильевич Ерофеев

Венедикт ЕРОФЕЕВ, писатель:

Я — луч тьмы

Дом в Каравеево

Петушки. «Да будет светел мой путь, да увижу город, по которому столько томился»

Галина и Венички

Писатель не умер, если жизнь до сих пор выстраивает сюжеты, словно рожденные его фантазией

Фермера из подмосковной деревни Кузеево и скотник из соседнего села Каравеево решили пожениться. В итоге жительнице Кузеева пришлось вступить в конфликт с крупным парижским издательством, изучить авторское право, углубиться в проблемы литературоведения... Это не байка из «Записных книжек» Венедикта Ерофеева. Это история борьбы за творческое наследие самого Ерофеева.

Сергей НЕХАМКИН

Железные леди

Жизнь полна скрытых намеков, правда, разгадать их удается лишь задним числом. Галина Анатольевна — коренная москвичка. По первой профессии — бухгалтер общепита, в советские времена работала в ресторане. Однажды услышала у барной стойки мужики перешучиваются насчет коктейлей из меню, вспоминают какие-то «Слезу комсомолки» и «Ханаанский бальзам». Подруги объяснили — есть такая подпольная книга «Москва—Петушки», там главный герой, алкаш, политура с одеколоном мещает и это пошло шикарными словами называется. Написал какой-то Ерофеев. Ха-ха.

В конце концов не выдержал муж: «Мне надоело месить навоз!». От усталости Галина уже загибалась. В Каравеево, соседнем селе, приколола к дверям магазина объявление «Требуется работник!». Работник пришел наниматься через месяц. Скотник с каравеевской фермы (там развалился совхоз, и ферма закрылась). У него были синие-синие глаза, симпатичная ранняя седина и очень чистая, грамотная, совсем не деревенская речь. Фамилия — Ерофеев. Венедикт Венедиктович. Сын писателя — того самого.

Когда сейчас местные мужики подкалывают Венедикта: «Завидно ты, брат, пристроился — хорошая жена, дом, стол сытный!» — он усмехается: «Объявление висело для все!» Так что все хорошо. Только... Книжки отца издаются по всему миру, а сын был вынужден наняться в батраки, потому что с последних гонимых ему ничего не перепадает. Ерофеевский сюжет.

Мать, сын, невестка. Мать Венедикта Венедиктовича — Валентина Васильевна Зимакова, учительница каравеевской средней школы и первая жена писателя Венедикта Ерофеева. «Зимачиха», как он ее звал. ...Из Москвы в Петушки едет не дождет несчастный и нетрезвый Веничка, герой ерофеевской поэмы, там ждет его самый пухлый в мире младенец, «знающий букву ю» как свои пять пальцев», — это только что родившийся Венедикт Венедиктович. Еще ждет мать младенца, прекрасная, «с косой до попы» — это Валентина Зимакова (хотя прототипов много).

Кузеево — это пяток добротных домов и пяток развалюх. Развалихи пустуют, в добротных летом живут дачники. В остальное время не добраться — бездорожье. Зато, как фермеру, ей обещали подвести нормальный свет. Не обманули, подвели. В общем, через семь лет эта городская женщина на районном конкурсе фермеров (150 участников) заняла третье место. Три коровы, пять свиноматок, поросят, тридцать гектаров сенокосных трав, трактор МТЗ с навесным оборудованием — Галина гоняла на нем, изумляла окрестных мужиков. Какой ценой дался успех — не спрашивайте. Мать плакала: «Доченька, кинь дурное! Живи в городе, тебе пособие какое-нибудь назначат». Галина пособие получать не хотела. Она хотела ни от кого в жизни больше не зависеть.

стоящему. В конце ее жизни в Каравеево на шикарной машине приехал немецкий режиссер. Он ставил в Германии ерофеевскую «Вальпургиеву ночь», заодно исследовал жизнь и творчество автора. Местные привели его к бабе-выпивохе, бывшей училке. В доме — сами понимаете. Немец достал бутылку, сел за стол. А Валентина через десять минут — переводчице: «Э-э-э, девочка, я не так сказала». И переходит на немецкий! Потом Венедикт курил на крыльце, вышел немец — и заплакал: такие люди не должны ТАК жить. Зимакова долго и мучительно болела, умерла три года назад. Воспел писатель девушку с косой, прекрасную, гордую, умную. А умерла она спившейся советской телятиницей. И лишь заезжий немец, вспомнив дивный образ из книги, уронил над ней слезу. Ерофеевский сюжет.

А Венедикт... Рос с матерью, отец его тоже не забывал. Когда Венедикт-младший вернулся из армии, виделся постоянно. Впрочем, вы Венедикта Венедиктовича скоро сами увидите. Я в Кузеево был с телегруппой канала «Культура», накануне приехала другая телегруппа с другого канала, по слезавтра ожидалась третья. Ерофеев-младший умен, ироничен, начитан. Ходит по двору в джинсах и клетчатой рубашке, если и похож на фермера — то на американского. Правда, на все вопросы об авторских правах и о наследственных претензиях машет рукой: «К лалел!» Так, похоже, в семье сложилось: борьба — это в основном Галя. Созерцание, мысли о жизни, об отце — Венедикт. Но Галина сегодня — знаток творчества Ерофеева-старшего: на память цитирует целые куски, свободно ориентируется во всех периодах ерофеевской запутанной жизни, в датах, друзьях, связях...

Они друг друга замечательно дополняют. Москва—Петушки—Иерусалим—Париж. Вступить в борьбу Галину вынудила жизнь. Они с Венедиктом и дальше бы фермерствовали, да родилась двойня. С двойней в Кузеево, куда даже «скороух» не вылезешь, было тяжело. Пришлось хозяйство сворачивать. И заняться литературно-детективными изысканиями.

Впервые «Москва—Петушки» увидела свет в 1973 году в израильском журнале «Ами» тираж 300 экземпляров, с большими перерывами вышло три номера. Делала «Ами» израильские журналы Михаил Левин и Владимир Фромер. Владимир Фромер (ны-

не очень известный на «русской улице» Израиля историк и писатель) в разговоре с «Известиями» подчеркнул: мы никогда не претендовали на авторские права. Само собой подразумевалось, что они принадлежат Ерофееву. Да — печатали по самиздатской фотоконкопии рукописи без формального согласия автора. А как было это согласие получить? 1973 год, «железный занавес». «Петушки» к тому времени давно гуляли по самиздату, побывали практически во всех эмигрантских изданиях, но их нигде не брали — «похожий народ!» А Фромер и Левин считали, что это уникальное, не имеющее равных в русской поэзии произведение, и их долг — представить его читателю. При первой же возможности передали Венедикту Васильевичу экзemplяры. Денег не платили, потому что издание было некоммерческим, не крупные суммы на типографские расходы с трудом вырывали из случайных спонсоров. На последний номер, тот, где «Петушки», Фромер и Левин добыли средства у крошечной Независимой либеральной партии, убедив ее функционеров, что «Петушки» обязательно принесут голоса «русских» избирателей. Финансовые затраты на печатание трех сотен экземпляров нетолстого журнала настолько подорвали партийный бюджет, что партия через месяц развалилась.

Израильские независимые либералы на последние деньги печатают поэму о приключениях русского алкашника в расчете на пролив в кнессет. Ерофеевский сюжет. Так поэма обрела официальный статус. В 1976-м на французском языке ее выпустило крупное парижское издательство Albin Michel. Вообще в те годы многие сомневались, что Ерофеев действительно существует. Подозревали литературную мистификацию. Сева Новгородцев с би-би-си через много лет вспомнил, как они спорили с Анатолием Кузнецовым, кто на самом деле укрался под маской кабельчика-линейщика — Аксенов? Бытов? Конечский?

Но Albin Michel страховалось: крупному издательству требовалось авторское разрешение. В Париж из Москвы уехали друзья Ерофеева — диссидент Вадим Делоне и его жена. Иринэ Белогорской-Делоне Ерофеев дал генеральную доверенность. В Париже Ирина от лица Ерофеева подписала предложенный ей контракт. Кабальный контракт. Из тех, про которые Булгаков писал в «Театральной романсе», — когда почти все пункты начинаются словами «ав-

тор не имеет права», кроме единственного, начинающегося с «автор обязуется». Почему подписала? Отношения чety Делоне и Ерофеева безупречны. Видимо, у Ирины не было другого выхода. Вообще всю эту историю можно рассматривать с двух точек зрения. Первая — «западная», строго юридическая. Контракт (какой ни есть!) подписан. Какие еще вопросы? Другая... Бумаги подписали, это факт. Только вы учтите, что за время года тогда в России, кто были люди, вовлеченные в событие, и в каких обстоятельствах они находились. Автор, который даже не знает, увидит ли он свою вещь напечатанной... Его главная книга, которую изымают при обысках... Друзья автора, у которых здесь хватало мужества противостоять советской системе, на Западе, оказавшись эмигрантами, вынуждены уступать давлению... Ерофеевский сюжет.

Потом были издания по всему миру. Не раз другие издательства брали права у Albin Michel. Гонорары, однако, Ерофееву отчислялись изредка. Ирина Делоне подняла об этом вопрос. В Albin Michel ей сказали: копирайт принадлежит журналу «Ами». Связалась с Владимиром Фромером. Тот письменно подтвердил: все права на издание поэмы Венедикта Ерофеева «Москва—Петушки» принадлежат только автору или уполномоченным им лицам — в данном случае госпоже Делоне. Ирина обращалась в издательство снова и снова.

Справедливости ради скажем: несколько раз Albin Michel перечислял Ерофееву и его наследникам небольшие суммы. Из каких расчетов они исчислялись — вопрос.

Галина Ерофеева: «Понимаете ситуацию? С 1976 года Albin Michel растащивало «Москву—Петушки» на 18 стран мира. Венедикт Васильевич умер. География наследники — семья сына. Время другое, жизнь другая, но до сих пор идет ссылка на контракт, подписанный в 1977-м. А там формулировка: «автор и его правопреемники». То есть — мы. Но наследники — это право собственности. Получается, что нашей ответственностью до сих пор распоряжается Albin Michel. Ерофеев написал книгу, которая издается по всему миру, а сын автора и его внуки почти ничего не получают. Мы спрашиваем: сколько экземпляров продано? Коммерческая тайна. Какие прибыли получены (чтобы хотя бы разобораться в размерах отчислений)? Также коммерческая тайна. Посылаешь в Albin Michel письмо на английском

СПРАВКА «ИЗВЕСТИЙ»

ЕРОФЕЕВ Венедикт Васильевич (1938—1990), русский прозаик. Детство провел в Кировске (Кольский полуостров). С юности знал и любил русскую литературу, писал стихи. Учился в МГУ (отчислен за непосещение занятий по военной подготовке), потом во Владимирском педагогическом институте им. Лебедева-Полянского (отчислен с третьего курса за «моральное, нравственное и идейное разложение» — по сути за нестандартный образ мыслей). Сменил множество профессий: работал монтажником на прокладке кабеля, грузчиком, кочегаром, приемщиком стек-

филологический ф-т

Справка

В Приемную комиссию Московского государственного университета

гг. Ерофеев В.В. был освидетельствован Врачебной Комиссией в поликлинике № 107 при МГУ 18/10 1955 г.

Заключение Врачебной Комиссии: по состоянию здоровья Ерофеев В.В. принят на работу в филологический ф-т МГУ

Члены: [подписи]

В МГУ Ерофеев поступил с блеском...

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 14

Ректора Московского ордена Ленина Государственного Университета им. М. В. ЛОМОНОСОВА

от 14. января 1957 г.

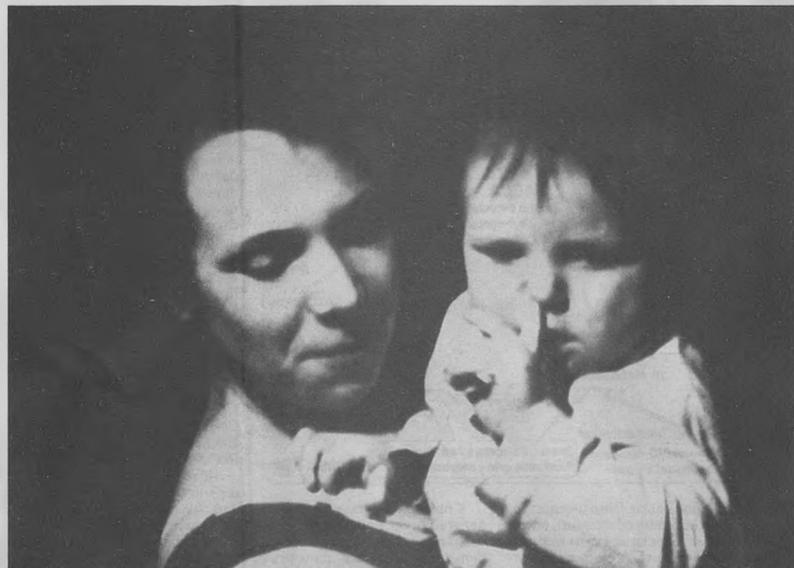
Отчисляю из университета с 25.01.57 студ. 1 к. филол. ф-та Ерофеева Венедикта Васильевича за академическую нецензурность и прогулы зачет без уваж. приг.

Пр. Ректор МГУ Таишкин

Выписка верна:

Зак. 1432. Тир. 20 000

...но отчислен был скоро

Валентина Зимакова и Веничка-младший, «самый пухлый в мире младенец»

«Отец, кстати, пьяных не любил»

Венедикт ЕРОФЕЕВ-младший о Венедикте ЕРОФЕЕВ-старшем:

— Мы с отцом сблизились, когда я пришел из армии. Он был уже в зените славы, дверь в московской квартире не закрывалась — журналисты, почитатели, какие-то настырные молодые писатели, пихавшие ему свои рукописи: «Венедикт Васильевич, только вы можете почитать!» Отец морщился: больной, он мечтал о покое... «Хоть самый ничемный домик на берегу самой ничемной речушки!» Каким в его памяти до этого периода? В Каравеево отец приезжал работать. Привозил мне книги. Запирался в комнате, ставил своих любимых Малера или Сибелиуса — и писал весь день. В деревне его знали как мужа Вальки-учительницы, все бабы отмечали: «Ох, красивый!» А мужики удивлялись: бутылку водки выпьет — и ни в одном глазу! Я, кстати, отпа пьяным не помню, он, если возьмет лишнего, приляжет где-нибудь, поспит часок и вскакивает бодренький. Пьяных, кстати, не любил. Не любил их тупых разговоров, плоских шуток, сальностей о женщинах — за это мог и в глаз дать. То, что отец — писатель, я знал, но уровень таланта... «Петушки» мне впервые дала химичка в школе, молодая девка. Спросила после уроков: «Правда, что Венедикт Ерофеев — твой отец?» — и сунула тайком самиздатскую переплетку. Сейчас я «Петушки» знаю наизусть. Еще помню, как Генис и Вайль по «Свободе» сквозь глушилки анализировали их вчерашми, говорили — гениально. Мне наутро, как той лягушке-путешественнице, хотелось кричать: «Это мой отец!» Но никто в Каравеево не понял бы...